

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

С.А. Гришаева, канд. психол. наук, доц. кафедры социологии и психологии управления Государственного университета управления, Рязанский пр., 99, Москва, Российская Федерация, 109542*

Цифровая среда формирует новую социальную действительность: меняется структура общества, меняются принципы формирования и функционирования социальных групп, “размывается” идентичность, меняется рынок труда, образования, потребления. Все эти изменения требуют осмысления с социологической точки зрения. В статье рассматриваются вопросы трансформации социального неравенства в условиях цифровизации, выдвигаются предположения о причинах этих трансформаций. В частности, среди причин, влияющих на появление новых форм неравенства, называются нарушение границ идентичности индивида вследствие вторжения технологических преобразований в личное пространство человека, параллельное существование виртуального (онлайн) и реального (оффлайн) пространств, многократно возросшая множественность статусов (в том числе вымышленных), виртуализация миграции, переход многих параметров из ранговых в номинальные и т.п. Цифровизация влияет и на функционирование социальных институтов, в частности, института образования. Одним из современных трендов развития образования является полный или частичный переход к онлайн-образованию. В статье приводятся результаты исследования отношения студентов к внедрению онлайн-образовательных платформ: по мнению респондентов, необходимо гармоничное сочетание традиционной и онлайн-моделей образования. Действительно, онлайн-образовательная модель имеет целый ряд преимуществ: предоставляет студентам доступ к различного рода необходимым ресурсам, таким как специальные онлайн-группы по интересам, подписка на электронные журналы, проведение исследований с использованием баз данных и цифровых архивов, общение посредством электронной почты с одногруппниками и преподавателями и многое другое. Кроме того, предполагается, что социальная структура системы образования, внедрившей электронное обучение, становится менее иерархической, что связано с оцифровкой текста.

Ключевые слова: *цифровая среда, виртуальное пространство, идентичность, онлайн-образование, социальная структура, неравенство.*

* Гришаева Светлана Алексеевна, e-mail: grishaeva@bk.ru

SOCIAL TRANSFORMATIONS WITHIN THE CONDITIONS OF DIGITAL ENVIRONMENT

Grishaeva Svetlana A., Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Psychology and Sociology of Management Department, State University of Management, Ryazanskiy Avenue, 99, Moscow, Russian Federation, 109542, e-mail: grishaeva@bk.ru

The digital environment is forming new social reality: the structure of society and principles of formation and functioning of social groups are being changed, identity is being blurred, as well as the labor, education and consumption markets are experiencing changes. These changes demand serious social thought. The article presents social inequality transformation issues in conditions of digitalization and its probable reasons. In particular, some of the reasons, that influence new inequity forms, are: identity bounds violation, due to technological progress affecting personal space; simultaneous existence of virtual (online) and real (offline) spaces, severely increased multiplicity of statuses (including fictional), migration virtualization, and transition of some parameters from rank to nominal, etc. Digitalization also impacts on social institutions, such as education one. For instance, part-time or full switch to online-education is gaining popularity. The article shows some researches among students about online educational programs: respondents claim that the traditional and online models should be combined. For sure, online platforms have advantage in access to variable sources, such as particular online courses, subscription to EJ, useful data bases, permanent chatting with students and professors, etc. In addition, it is assumed that the social structure of the education system that has implemented e-learning becomes less hierarchical, which is associated with the digitization of the text.

Key words: digital environment, virtual space (cyberspace), identity, e-learning, social structure, inequity.

Процесс интенсивной цифровизации общества приводит к трансформации большинства социальных феноменов: процессов, институтов, общностей, так как делает общество более динамичным, изменчивым, “турбулентным”, о чем говорят многие исследователи. На III Конференции 37-го исследовательского комитета Европейской социологической ассоциации ученые “призывали выйти за пределы существующих методологических позиций, в частности, указывали на необходимость учитывать амбивалентность современных социальных явлений, процессов и проблем”¹. Социология тоже меняется: возникновение новых социальных феноменов диктует необходимость разработки нового понятийного аппарата и коррекции уже существующих терминов. Попробуем разобраться, что же будет меняться в социальной действительности и, соответственно, в социологии в условиях цифровой среды.

¹ Осипова Н.Г., Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 153–155.

В первую очередь, изменчивость социальной среды (“единство мира заменяется фрагментами, многополярностью, существованием фантомов, у которых нет подтверждения в реальности”²) формирует новый характер социального неравенства, которое становится “текучим”, неопределенным, сложно идентифицируемым. Причин этому несколько.

Во-первых, “технологические преобразования вторгаются в личное пространство человека, размывая границы его идентичности”³. Действительно, по мнению В.А. Емелина человек становится объектом контроля со стороны технологий, что приводит к нарушению границ идентичности, которое связано, в том числе, с тем, что механизмы проникновения информационных технологий в личное пространство индивида для большинства пользователей непонятны⁴. Как следствие, идентификация индивида затруднена из-за сложности отнесения себя к какой-либо определенной страте. Но это не единственная причина статусной неопределенности: “В сетевых обществах границы являются проницаемыми, социальные взаимодействия характеризуются чрезвычайным разнообразием, социальные связи переключаются между несколькими сетями, а иерархии могут быть более плоскими и рекурсивными”⁵.

Во-вторых, виртуализация современной жизни сформировала виртуальное пространство (онлайн-среду), которое существует параллельно реальному (оффлайн) пространству. Практически каждый индивид современного общества существует одновременно и онлайн, и оффлайн (причем, далеко не всегда по собственной инициативе). Множество современных официальных сервисов оцифровываются, следовательно, каждый гражданин присутствует в онлайн-среде как налогоплательщик, квартиросъемщик и т.п. Кроме того, у каждого индивида может возникнуть ситуация, когда он попадает в онлайн-среду благодаря действиям своего окружения, например, родителей. Появился даже новый термин — шерентинг или шарентинг (sharenting), обозначающий гибрид слов parenting (родительство) и share (делиться информацией в сети), т.е. обмен в интернете своим родительским опытом с использованием фотографий, писем и другой информации о своих детях.

² <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/550056-zhan-bodriyyar-matritysa-arokalipsisa-posledniy-zakat-evropy.html> (дата обращения: 01.04.2019).

³ Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. М., 2017. С. 288.

⁴ Там же. С. 288–289.

⁵ Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 66.

В-третьих, при анализе социальной структуры современного общества необходимо также учитывать возросшую множественность статусов каждого: не всегда оффлайн и онлайн статусы индивида совпадают (мало того, оффлайн статусов тоже может быть сколь угодно много, как совпадающих с онлайн статусами, так и вымышленных). Помимо этого, индивид одновременно находится и в реальной, и в виртуальной структурах, следовательно, нужно выстраивать статусный профиль с учетом этого: необходимо рассматривать и анализировать не только, и не столько автономные социальные структуры (отдельно онлайн и оффлайн), но и находить точки пересечения виртуального и реального социального пространства в контексте социальной стратификации. Немаловажным при анализе является также то, что существуют индивиды, которые осознают себя в большей степени как носителей статусов виртуальной среды, нежели как носителей статусов реальной среды. В молодежной среде, по результатам исследования, “виртуальное общение начинает доминировать по сравнению с реальным... 44% респондентов обычно проводят свое свободное время, общаясь с друзьями офф-лайн, а 48,6% респондентов общаются с друзьями он-лайн”⁶.

В-четвертых, цифровизация делает социальную структуру динамичной, так как современные информационные технологии позволяют нам работать и учиться на одной территории, а проживать на другой. Таким образом, возникает “виртуальная” миграция, ведь хотя мы и не пересекаем физических границ, мы вынуждены адаптироваться к другой культуре, “погружаться” в иное социокультурное пространство, пересекать виртуальную границу определенной социальной среды, “налицо тенденция замещения многих форм непосредственного социального взаимодействия соответствующими виртуальными формами”⁷. Как следствие, повышается степень неопределенности, что приводит “к изменениям психических процессов и поведения таким образом, что индивид направляет свои ресурсы на поиск пути снятия неопределенности”⁸.

В-пятых, доступ к информации посредством интернета расширяет возможности многих групп (например, лиц с ограниченными

⁶ Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования / Под ред. С.В. Чуева. М., 2017. С. 19.

⁷ Гришаева С.А., Куликова О.А. Социально-психологические особенности процесса трансформации социальной структуры общества и процесса коммуникации в цифровом пространстве // Цифровая социология. 2018. № 1. С. 31.

⁸ Фролов С.С. Фактор неопределенности как основа управления социальными объектами // Вестник НОУ ОНУТЦ ОАО Газпром. 2011. № 10. С. 38.

возможностями здоровья (ОВЗ)) осуществлять взаимодействия с внешним миром: учиться, работать, общаться в группах по интересам и т.п. “С возникновением технологии массовых открытых онлайн курсов связаны большие ожидания в отношении расширения доступа к высококачественному образованию”⁹. В результате формируется тенденция перехода от эксклюзии (исключения индивидов, отличающихся по каким-либо показателям) к инклюзии и, как следствие, уменьшается неравенство, связанное с эксклюзией. Показателем является развитие, например, инклюзивного образования, в том числе, высшего, которое “по своей сути противодействует дискриминационным воззрениям на образование детей, принадлежащих к различным группам социальных меньшинств”¹⁰, следовательно, часть ранговых параметров становится номинальной. Таким образом, цифровизация и интернетизация, с одной стороны, повышают доступность социальной среды, расширяют возможности индивида осуществлять восходящую социальную мобильность. С другой стороны, доступ к практически неограниченному количеству информации приводит к повышению ответственности и самостоятельности обучающихся, в первую очередь, ответственности за правильность сделанного выбора относительно траектории индивидуального развития. К сожалению, не у всех пользователей сформирован навык эффективной работы с гигантским объемом информации (причины несформированности этого навыка, на наш взгляд, — предмет отдельных исследований социологов, психологов и педагогов). Соответственно, эти индивиды оказываются менее конкурентоспособными, возникает заметное социальное расслоение между разными группами пользователей. Причиной этого расслоения может быть и неготовность конкретной социальной среды к вызовам цифровизации (цифровое неравенство, при котором “наблюдается неравный доступ субъектов к информационным технологиям, к информации, к накопленным знаниям общества, к прогрессивным способам оказания услуг населению”¹¹): не все регионы одинаково цифровизированы, не все учебные заведения перестроились в соответствии с новыми требованиями и вообще “несмотря на возможность использования Интернета и Сети для достижения

⁹ Штайн Р. Поддержка онлайн инициатив в образовании // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 188.

¹⁰ Ашурбеков Р.А., Гимазова Ю.В., Гришаева С.А. и др. Управление в сфере инклюзивного высшего образования. М., 2017. С. 41.

¹¹ <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-neravenstvo-kak-problema-vnedreniya-elektronno-go-pravitelstva-v-rossii> (дата обращения: 01.04.2019).

общего блага, выгоды от них являются условными и зависят от ряда политических, экономических и технических факторов”¹².

Как уже упоминалось выше, цифровизация общества ставит перед нами вопрос о коррекции существующего понятийного аппарата. Так, при анализе социальной структуры традиционно используются классические стратификационные критерии: доход, власть, профессия. Все эти понятия наполняются другим содержанием в условиях информационного общества. Доход может оцениваться не только как оценка денежных средств или материальных ценностей, принадлежащих индивиду, но требует учета таких явлений, как криптовалюта (так называемые “цифровые децентрализованные деньги”). Власть как критерий стратификации тоже трансформируется в сторону увеличения влияния информационной власти. Если учесть, что в последнее время мы все чаще наблюдаем распространение недостоверной информации (как пример, фейк-ньюс), то информационные основания власти становятся все более доступными и в то же время неустойчивыми, кратковременными. “Мы вновь должны обрести способность (а тем самым уверенность в себе и свою значимость) распознавать то, что подлинно, выделяя его из основной реальности”¹³. И, наконец, критерий “профессия” тоже меняет свое содержание в информационном обществе. Понятие “профессия” становится менее устойчивым, постоянным, неизменным. Мы сегодня все чаще слышим о доминировании междисциплинарных профессиональных компетенций над узкоспециализированными (так называемых *soft skills* над *hard skills*). Наверное, никто не может быть уверен, что профессия, полученная им по окончании учебного заведения, сохранится в неизменном виде на всем протяжении его трудовой жизни. Меняется и понимание классов в современном обществе: “...проблема нового аспекта трансформаций социальной структуры позднего капитализма, связанного уже с изменениями не столько в производительных силах, сколько в производственных отношениях”¹⁴.

Анализ проблем неравенства в условиях цифровизации необходим, так как “неравенство составляет нерв социальной структуры и социального порядка любого общества, а развитие предстает как трансформация и последовательная смена систем социального

¹² Интернет в общественной жизни. М., 2006. С. 13.

¹³ Кувакин И. Эра никчемности и ее закат. Исследование современного мышления. М., 2016. С. 7.

¹⁴ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 23.

неравенства”¹⁵. Но это не единственные направления исследования, востребованные в информационном обществе. Огромную роль в эффективном функционировании общества играют социальные институты — “система социальных отношений и социальных практик, создаваемых членами общества для обеспечения порядка в определенной области человеческой деятельности”¹⁶.

Выше уже упоминалось, что трансформации подвергаются социальные институты современного общества, в том числе, институт образования. Одним из современных трендов развития образования является полный или частичный переход к онлайн-образованию. В Государственном университете управления был проведен онлайн-опрос студентов дневной формы обучения¹⁷. Использовались анкеты, содержащие закрытые или полузакрытые вопросы, относительно отношения студентов к переходу от классической модели образования (непосредственное взаимодействие преподавателей и студентов в аудитории) к онлайн-образованию. В опросе приняли участие 389 респондентов, их средний возраст 19 лет.

Сравнивая две системы образования, классическую и с использованием онлайн-образовательной платформы, студенты в большей степени отдают предпочтение классическому образованию. Например, только 10% респондентов “готовы” или “скорее готовы” платить за онлайн-образование такую же сумму как за классическое, в то время как 76% респондентов “не готовы” или “скорее не готовы” оплачивать онлайн-образование аналогично классическому.

Среди преимуществ классического образования респонденты выделяют следующие: “возможность непосредственного контакта с преподавателем” (37,8%), “возможность общения внутри студенческой группы” (26,7%), “гибкие формы проведения занятий в виде тренингов, деловых игр и другое” (20%). К преимуществам использования онлайн-образовательной платформы респонденты относят “возможность выбрать удобное время для занятий” (31,4%), “возможность неоднократного прослушивания учебного материала” (27,2%), “возможность получения образования из любой географической точки” (22,1%).

¹⁵ Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 8.

¹⁶ Фролов С.С. Социальные институты в современном обществе // Социология власти. 2010. № 3. С. 26.

¹⁷ Гришаева С.А., Комарова А.А. Он-лайн образование: оценка перспектив внедрения // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. М., 2018. С. 36–41.

Уровень знаний, получаемых при классической форме образования, также будет выше, по мнению респондентов, чем при онлайн-обучении. Об этом свидетельствует распределение ответов на этот вопрос: “высокий уровень” — 10,5% респондентов за классическую форму и 6,9% за онлайн, “скорее высокий” — 33,4% против 27,8% соответственно, “средний уровень” — 48,6% против 39,3% соответственно; “ниже среднего” — 5,9% против 21,1% соответственно и “низкий” — 1,5% и 4,9% соответственно.

При этом респонденты достаточно лояльно относятся к возможности совмещения двух моделей образования: 52,4% респондентов готовы совмещать оба вида образования при одинаковых ценовых условиях; в этой же ситуации предпочли бы классическую форму образования 37,3% респондентов, а 10,3% респондентов предпочли бы онлайн-образование. Если онлайн-образование предполагает присоединение к международной онлайн-платформе, то 82,3% респондентов за “разумное сочетание международного и российского опыта”. Примером такого “разумного сочетания” делится Ларри Деброк (*Larry DeBrock*): “Она (*Программа iMBA*) реализуется исключительно в онлайн-формате и тем не менее обеспечивает персонализированное углубленное обучение и развивающий опыт работы с материалами под руководством опытных преподавателей, а также практикующих специалистов, занимающих руководящие должности, — и все это по цене, которая составляет около трети стоимости соответствующих очных программ”¹⁸. Но при этом важно, чтобы онлайн-образование встречало понимание и поддержку в преподавательской среде: “Для внедрения программ онлайн-образования необходимо создать объединение заинтересованных лиц, готовых инициировать перемены в высшем учебном заведении”¹⁹.

По мнению ученых²⁰, при внедрении онлайн-образования необходимо учитывать специфику преподавания и обучения в рамках виртуальных сообществ, которые достаточно заметно отличаются от традиционных учебных групп:

– Виртуальная образовательная среда подразумевает использование социальных сетей, почтовых групп, чатов и т.п., что позволяет участникам быть достаточно независимыми от местоположения, а

¹⁸ Деброк Л. Новая эра очного образования: масштабируемая система интерактивного взаимодействия // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 45.

¹⁹ Людвиг С. Высшее образование: опыт пропагандиста онлайн-обучения // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 167.

²⁰ Джанелли М. Электронное обучение в теории, практике и исследованиях // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 87–88.

зачастую, и от времени проведения занятия. Соответственно, формирует большую самостоятельность и чувство личной ответственности за результат своего обучения.

– Виртуальная учебная группа может быть гораздо больше по количеству участников, чем традиционная учебная группа, следовательно, приводит к расширению круга социальных контактов и формированию чувства сопричастности по отношению к большему количеству соучеников.

– Изолированность участников друг от друга может стимулировать их дополнительные усилия для общения друг с другом и сохранения своего статуса как члена учебной группы. В результате формируются дополнительные коммуникативные компетенции, навыки работы в команде в условиях опосредованности.

– Электронная образовательная среда предоставляет студентам доступ к различного рода необходимым ресурсам, таким как специальные онлайн-группы по интересам, подписка на электронные журналы, проведение исследований с использованием баз данных и цифровых архивов, общение посредством электронной почты с одноклассниками и преподавателями. Ресурсы электронной образовательной среды позволяют ее пользователям создавать блоги, участвовать в онлайн-дискуссиях и предоставляют много других возможностей, недоступных в условиях традиционного преподавания и обучения.

– Работа с оцифрованным текстом увеличивает степени свободы действий студентов, так как цифровой текст легко изменить или использовать, что может приводить и к творческим победам, и к злоупотреблениям.

– Социальная структура системы образования, внедрившей электронное обучение, становится менее иерархической, что тоже связано с оцифровкой текста. Действительно, при использовании традиционной образовательной модели есть возможность повторного обращения к материалу, следовательно, облегчается обмен информацией, увеличивается доступность учебного материала, его открытость для критического разбора. Материал проще интегрировать в любые формы учебных проектов, вследствие чего знание постоянно изменяется и развивается как результат коллективной практики деконструкции и реконструкции цифровых текстов.

Еще одним немаловажным направлением социологического интереса должно быть изучение новых методов, появляющихся в результате цифровизации: «Цифровизация (от англ. Digitalization, диджитализация) социума привела к тому, что исследования новых форм коммуникации выделились в отдельное поле научных

исследований”²¹. Но это слишком обширная тема для обсуждения, поэтому более подробно мы остановимся на ней в последующих работах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Ашурбеков Р.А., Гимазова Ю.В., Гришаева С.А. и др. Управление в сфере инклюзивного высшего образования. М., 2017.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1.

Гришаева С.А., Комарова А.А. Он-лайн образование: оценка перспектив внедрения // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. М., 2018.

Гришаева С.А., Куликова О.А. Социально-психологические особенности процесса трансформации социальной структуры общества и процесса коммуникации в цифровом пространстве // Цифровая социология. 2018. № 1.

Деброк Л. Новая эра очного образования: масштабируемая система интерактивного взаимодействия // Вопросы образования. 2018. № 4.

Джанелли М. Электронное обучение в теории, практике и исследованиях // Вопросы образования. 2018. № 4.

Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4.

Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. М., 2017.

Интернет в общественной жизни. М., 2006.

Кувакин И. Эра никчемности и ее закат. Исследование современного мышления. М., 2016.

Крыштановская О.В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. № 1.

Людвиг С. Высшее образование: опыт пропагандиста онлайн-обучения // Вопросы образования. 2018. № 4.

Осипова Н.Г., Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1.

Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4.

Фролов С.С. Социальные институты в современном обществе // Социология власти. 2010. № 3.

Фролов С.С. Фактор неопределенности как основа управления социальными объектами // Вестник НОУ ОНУТЦ ОАО Газпром. 2011. № 10.

Ценностные ориентации российской молодежи и реализации государственной молодежной политики: результаты исследования / Под ред. С.В. Чуева. М., 2017.

Штайн Р. Поддержка онлайн инициатив в образовании // Вопросы образования. 2018. № 4.

²¹ *Крыштановская О.В.* Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. № 1. С. 5.

REFERENCES

Asurbekov R.A., Gimazova Yu.V., Grishaeva S.A. etc. Upravlenie v sfere inklyuzivnogo vysshego obrazovaniya [Management in the field of inclusive higher education]. M., 2017 (in Russian).

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Transformacii social'noj struktury pozdnego kapitalizma: ot proletariata i burzhuazii k prekariatu i kreativnomu klassu? [Transformation of the social structure of late capitalism: from proletariat and bourgeoisie to prekarat and creative class?] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Research]. 2019. N 1 (in Russian).

Debrok L. Novaya era ochnogo obrazovaniya: masshtabiruemaya sistema interaktivnogo vzaimodejstviya [A New era of full-scale education: A scalable interactive interaction system] // Voprosy obrazovaniya [Questions of Education]. 2018. N 4 (in Russian).

Dobrinskaja B.C. Soobshchestva v epohu interneta [Community in the age of the Internet] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. 2018. Vol. 24. N 4 (in Russian).

Frolov S.S. Social'nye instituty v sovremennom obshchestve [Social institutions in modern society] // Sociologiya vlasti [Sociology of power]. 2010. N 3 (in Russian).

Frolov S.S. Faktor neopredelennosti kak osnova upravleniya social'nymi ob'ektami [Uncertainty Factor as a basis for the management of social objects] // Vestnik NOU ONUTC OAO Gazprom [Bulletin of the NOU of OAO Gazprom]. 2011. N 10 (in Russian).

Grishaeva S.A., Komarova A.A. On-lajn obrazovanie: ocenka perspektiv vnedreniya [On-line education: Assessment of the prospects of implementation] // Shag v budushchee: iskusstvennyj intellekt i cifrovaya ekonomika. Revolyuciya v upravlenii: novaya cifrovaya ekonomika ili novyj mir mashin [A Step into the future: Artificial Intelligence and digital economy. Revolution in governance: a new digital economy or a new world of machines]. M., 2018 (in Russian).

Grishaeva S.A., Kulikova O.A. Social'no-psihologicheskie osobennosti processa transformacii social'noj struktury obshchestva i processa kommunikacii v cifrovom prostranstve [Socio-Psychological peculiarities of the process of transformation of the social structure of society and the process of communication in the digital space] // Cifrovaya sociologiya [Digital Sociology]. 2018. N 1 (in Russian).

<https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-neravenstvo-kak-problema-vnedreniya-elektronno-go-pravitelstva-v-rossii> (data obrashcheniya: 01.04.2019) (in Russian).

<https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/550056-zhan-bodriyyar-matritysa-apokalipsisa-posledniy-zakat-evropy.html> (data obrashcheniya: 01.04.2019) (in Russian).

Internet v obshchestvennoj zhizni [Internet in public life]. M., 2006 (in Russian).

Janelli M. Elektronnoe obuchenie v teorii, praktike i issledovaniyah [E-Learning in theory, practice and research] // Voprosy obrazovaniya [Education Issues]. 2018. N 4 (in Russian).

Kuwakin I. Era nikchemnosti i ee zakat. Issledovanie sovremennogo myshleniya [Era of futility and its sunset. Study of modern thinking]. M., 2016 (in Russian).

Kryshantovskaya O.V. Beskontaktnaya sociologiya: novye formy issledovaniy v cifrovuyu epohu [Contactless Sociology: New forms of research in the digital age] // Cifrovaya sociologiya [Digital Sociology]. 2018. N 1 (in Russian).

Ludwig S. Vysshee obrazovanie: opyt propagandista onlajn-obucheniya [Higher Education: The experience of an online training promoter] // Voprosy obrazovaniya [Questions of Education]. 2018. N 4 (in Russian).

Osipova N.G., Verinina I.A., Martynenko T.S. Neravenstvo i neopredelennost': sovremennye vyzovy dlya gorodov [Inequality and Uncertainty: Modern challenges for cities] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2019. N 1 (in Russian).

Polyakova N.L. Oformlenie social'nogo neravenstva v praktikah povsednevnosti: istoricheskaya perspektiva [Making social Inequalities in everyday practices: a historical perspective] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. 2018. Vol. 24. N 4 (in Russian).

Stein R. Podderzhka onlajn iniciativ v obrazovanii [Support Online education initiatives] // Voprosy obrazovaniya [Questions of Education]. 2018. N 4 (in Russian).

Cennostnye orientacii rossijskoj molodezhi i realizacii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki: rezul'taty issledovaniya [The Value orientations of the Russian youth and the implementation of the State Youth policy: The results of the study] // Pod red. S.V. Chueva. M., 2017 (in Russian).

Yemelin V.A. Identichnost' v informacionnom obshchestve [Identity in the information society]. M., 2017 (in Russian).